

DOI 10.15826/qr.2018.2.302

УДК 94(470)"1740/1770"+355.311+331.728+929Екатерина(470)*2

**ПРОЦЕСС УПРАЗДНЕНИЯ
ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО НИЗОВОГО:
АМБИЦИИ КАЗАЧЕСТВА VS ИНТЕРЕСЫ ИМПЕРИИ
(1740–1770-е гг.)***

Владимир Мильчев

Запорожский национальный университет,
Запорожье, Украина

Дмитрий Сень

Калмыцкий научный центр РАН,
Элиста, Россия

**THE PLANS FOR THE ABOLITION
OF THE ZAPOROZHIAN HOST AND
THEIR IMPLEMENTATION (1740s–1770s):
COSSACK AMBITIONS VS IMPERIAL INTERESTS****

Vladimir Milchev

Zaporizhia National University,
Zaporizhia, Ukraine

Dmitriy Sen'

Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russia

Referring to materials from the federal and state archives of Russia and Ukraine, the authors analyse the preparation and implementation of the abolition of the Zaporozhian Cossack Host, carried out by the government of Empress Catherine II. Many of the sources have never been studied previously. The authors aim

* Авторская работа Д. В. Сень выполнена в рамках проекта «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (номер гос. регистрации в ЕГИСУ НИОКР АААА-А17-117030910096-7).

** *Citation:* Milchev, V., Sen', D. (2018). The Plans for the Abolition of the Zaporozhian Host and their Implementation (1740s–1770s): Cossack Ambitions vs Imperial Interests. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

Цитирование: Milchev V., Sen' D. The Plans for the Abolition of the Zaporozhian Host and their Implementation (1740s–1770s): Cossack Ambitions vs Imperial Interests // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302 / Мильчев В., Сень Д. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 385–402. DOI 10.15826/qr.2018.2.302.

to reveal the causes and reasons for the abolition of the Sich, and the timeframe of the process. The authors consider the plans and projects for the abolition of the Sich from different periods and proposed by different representatives of the imperial authorities. The authors prove that the abolition of the Zaporozhian Sich was not a one-time military operation that took place on 4 June 1775. They study the means by which the Russian authorities tried to solve the Zaporozhian problem during the third quarter of the 18th century, reflected in the projects drawn up by M. I. Leontyev, P. A. Rumyantsev, and K. von Stoffeln. They examine the socio-economic, demographical, political, and other aspects of the domestic and foreign policy of the Russian Empire, which influenced the social evolution of the Zaporozhian Cossacks Host and led to its confrontation with the government. Additionally, the article considers the reaction of the Cossack community to the abolition of the Sich.

Keywords: Russian Empire; Zaporozhian Cossack Host; Zaporozhian Sich; state borders; Empress Catherine II; G. A. Potemkin; reforms.

Проанализированы действия правительства императрицы Екатерины II по подготовке и ликвидации Войска Запорожского Низового. Источниковую основу составили материалы российских федеральных и государственных архивов, а также архивных собраний Украины. Значительная часть использованных источников впервые вводится в научный оборот. Целью исследования стало определение предпосылок и причин ликвидации Сечи, а также установление ее временной продолжительности. Разбираются разновременные планы и проекты ликвидации Сечи, исходившие от конкретных представителей имперских властей. Авторы доказывают, что нельзя вести речь о «разовой» военной операции, предпринятой 4 июня 1775 г. по отношению к событию, именуемому «ликвидацией Запорожской Сечи». Исследованы пути решения российскими властями «запорожской проблемы» на протяжении третьей четверти XVIII в., конкретизированные в проектах М. И. Леонтьева, П. А. Румянцева и К. фон Штоффельна. Рассмотрен комплекс социально-экономических, демографических, политических и прочих аспектов внутренней и внешней политики Российской империи, которые повлияли на социальную эволюцию Войска Запорожского Низового и привели к его конфронтации с правительством. Изучены коллективные реакции казаков на ликвидацию Сечи.

Ключевые слова: казачество; Российская империя; Войско Запорожское Низовое; Запорожская Сечь; государственные границы; императрица Екатерина II; Г. А. Потемкин; реформы.

1775 г., в который была ликвидирована Запорожская Сечь, стал не только своеобразным водоразделом в украинской истории Нового времени, но также болевой точкой в коллективной исторической памяти украинцев. Ограниченный объем публикации не позволяет привести в достаточном объеме перечень имен ученых, изучавших

заявленную тему на протяжении главным образом XIX–XX вв. Укажем на несколько наиболее значимых работ: среди них отметим наследие ученых дореволюционного [Скальковский, с. 339–340; Эварницкий, 1889, с. 7–9] и советского [Рябинин-Скляревский, с. 175–178; [Полонська-Василенко, с. 168–171; Голобуцкий, с. 415–422] периодов, которыми были высказаны основательные суждения о причинах и последствиях упразднения Войска Запорожского Низового (далее – ВЗН). Так, А. А. Скальковский отмечал окончательное исполнение Сечью своей исторической миссии. Д. И. Яворницкий акцентировал внимание на факторе «жадных» к запорожским богатствам и землям вельмож екатерининского времени. Многие советские ученые не могли не писать о желании феодальной империи расправиться с гнездом казацко-крестьянского сопротивления, не допустив возникновения новой «пугачевщины». Традиционные историографические оценки ликвидации Сечи сохраняют значение и для некоторых современных ученых. Интерес к исследуемой теме, особенно в первые годы после провозглашения Украиной независимости (1991), вызвал появление множества научно-популярных публикаций, как правило, имеющих низкую научную ценность. Ситуация изменилась, когда к проблеме обратились историки Запорожского государственного университета, ставшего центром изучения истории Сечи.

Ко второй половине 1990-х гг. относятся работы П. Г. Александрова, в которых «ликвидацию Сечи» украинский историк рассматривал как операцию российских войск и делал акцент на внезапности этого мероприятия [Александров, 1997а, с. 45–49; Александров, 1997б, с. 115–121]. Однако в других исследованиях раскрывалось понимание того, что «ликвидация» не разовая военная акция, а комплекс мер, направленных на коренной слом предыдущего устройства Запорожья. Первыми в этом направлении стали работы украинского по происхождению историка Р. И. Шияна. Он рассмотрел проблемы, связанные с имплементацией губернского устройства на территории бывших Запорожских Вольностей¹ и реакцией населения на новые порядки [Шиян, 1998б, с. 39–44; Шиян, 1999, с. 3–5].

Последующие работы запорожских исследователей сосредоточились на научном обсуждении того факта, что атака на Сечь в 1775 г. не была спонтанной акцией. В частности, В. И. Мильчевым и Ю. П. Князьковым был проанализирован и опубликован проект генерал-майора К. фон Штоффельна по реформированию ВЗН (1765), положенный в основу последующих действий российского правительства. Историками было показано, что принятию решения 1775 г. предшествовал 10-летний период подготовительной работы. Логическим продолжением этой работы стали изыскания В. И. Мильчева

¹ Вольности – территория, на которую распространялась юрисдикция коша ВЗН. В этом значении термин изредка упоминается в документации периода Новой Сечи (1734–1775), ввиду чего не исключено его канцелярское происхождение.

о действительной роли П. А. Текели в роковых для Сечи событиях, доказывающих, что участие в них генерала преувеличено [Мільчев, Князьков, с. 35–55; Мільчев, с. 80–96].

Работа по выяснению влияния отдельных исторических деятелей и личностей (Г.-Ф. Миллера) на процесс подготовки ликвидации ВЗН была продолжена В. В. Грибовским [Грибовський, с. 39–65]. Поземельные конфликты ВЗН периода Новой Сечи (1734–1775) оказались в центре внимания П. Мирущенко. Им было выявлено влияние конфликтных ситуаций на экономическую ситуацию в Запорожье и превращение их в мощный катализатор антизапорожских настроений в высших кругах империи [Мирущенко, 2001, с. 180–189; Мирущенко, 2005, с. 44–45]. Следует выделить исследование П. А. Бойко, посвященное «Переписи Текели» 1776 г., показавшее влияние процесса фискального учета бывших запорожцев на их социальную мобильность [Бойко, с. 74–79]. Говоря о результатах исследований по данной проблематике в современной украинской историографии, заметим, что многим из них присуще упрощенное понимание механизмов имперского администрирования национальных окраин. Государственная колонизация края нередко оценивается как «абсолютное зло», а положительные моменты подобных преобразований выносятся за рамки.

В современной российской историографии заявленная тема рассматривается в контексте двух направлений: эволюции внутренней политики России в правление Екатерины II (на фоне народных движений и пр.), а также управленческой деятельности Г. А. Потемкина на Юге России. Не будет преувеличением сказать, что предпосылки и причины ликвидации ВЗН рассматриваются однобоко. О. И. Елисеева возлагает почти всю ответственность за ликвидацию Сечи на самих запорожцев, безапелляционно указывая на их «бесчинства», на нежелание казаков «жить мирным трудом» и пр. [Елисеева, с. 163]. Мнение о том, что существование Сечи мешало укреплению позиций России на юге, так как автономные образования составляли угрозу «безопасности государства», высказано в работе Н. Ю. Болотиной [Болотина, с. 43]. А. В. Кондрико приходит к выводу, что Сечь прекратила существование «вместе со своей системой самоуправления после того, как отпали наиболее важные условия, в которых она зародилась и просуществовала» [Кондрико, с. 14]. Обращение историков к понятию государственной целесообразности как к важнейшему аргументу в дискуссии о социальном протесте – не самое удачное объяснение события, знаменовавшего собой рубежный этап в истории украинского казачества.

Вопрос о причинах ликвидации ВЗН, несмотря на значительное количество имеющихся в науке исследований (речь прежде всего о достижениях российской и украинской историографии), не потерял своей актуальности и сегодня. Ряд историков считает, что ликвидация войска не являлась неизбежностью и что запорожские элиты были принципиально готовы принять реформу [Грибовсь-

кий, с. 39–65], тогда как другие связывают ликвидацию ВЗН с реализацией наступательной внешней политики России в 1770-е гг. [Шиян, 1998а, с. 8–9].

При исследовании данной темы открываются масштабные возможности для исторической компаративистики. Укажем на историю кратковременного существования военно-земледельческих поселений Новой Сербии и Славяно-Сербии (1751–1764). Как только их населением, состоявшим из представителей народов Балканского полуострова, были выполнены задачи создания сети подконтрольных правительству поселений в стратегически важном регионе, они были упразднены, а на их месте возникла Новороссийская губерния [Посунько, с. 38, 66].

Не последнюю роль в отношениях сторон конфликта сыграло их разное отношение к линейным границам европейского типа, в создание которых Россия втянулась на рубеже XVII–XVIII вв. Идея зафиксированной границы (пограничные знаки, заставы, паспорта, форпосты и т. п. признаки) воспринималась казаками-запорожцами как противоречащая их правовым традициям и всему укладу степного пограничья. Это актуализировало борьбу ВЗН за «свои» земли, подталкивало к обострению отношений с правительством. Особенно наглядно подобная ситуация наблюдалась в 1750–1760-х гг. Казачество, пытаясь отстоять территории, недавно находившиеся под юрисдикцией Коша, все активнее вовлекалось в пограничные конфликты. Территориальные споры ВЗН, например, с представителями Новой Сербии (1751) или Славяносербии (1753), выглядели как принципиальный конфликт запорожского казачества с империей, как вызов, который она не могла оставить без показательного ответа [ЦДАВОУ. Ф. 3806. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 99–102]. Любые попытки запорожцев отстоять свои земли были обречены на неудачу: еще в сентябре 1751 г. (до официального основания Новой Сербии) Сенат извещал гетмана К. Г. Разумовского о том, что «запорожцы права свои на эти земли уже потеряли» вследствие своей «измены» в 1708 г. [ИР НБУ. Ф. Х. Спр. 18258. Арк. 18, 22]. В итоге после заселения Новой Сербии в 1751–1752 гг. с последующим изгнанием украинского населения ради балканских переселенцев территория «заднепровских мест» стала ареной активных действий запорожских гайдамаков. В делопроизводстве канцелярии Новосербского корпуса зафиксированы десятки эпизодов ограблений, разбоев и убийств (отметим, что они были обоюдными) [ДАДО. Ф. Р-1684. Оп. 2. Спр. 122. Арк. 44 зв., 56, 65 зв., 66 зв., 83–83 зв., 94 зв., 111, 120, 168 зв., 170 зв.]. Преимущественно объектами нападений гайдамаков становились хутора новосербского офицерства: за первые три года с момента основания Новой Сербии ими было ограблено более 20 офицеров корпуса [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 597–601]. Показательно, что «гайдамацкая» карта активно использовалась в большой политике. Правительствующий Сенат рекомендовал 12 октября 1755 г. коменданту крепости Св. Ели-

заветы И. Глебову доказывать соседним османским военным чинам, что крепость возведена исключительно ради «обселения пустых, наполненных гайдамаками-ворами мест» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574. Л. 706 об.].

Прослеживалась двоякая политика самодержавия по отношению к границам ВЗН в годы Новой Сечи: поддержка запорожцев в пограничных конфликтах с крымскими татарами и, напротив, сдерживание либо наказание за попытки отстоять право на земли, которые казаки считали своими. Так, официальное размежевание и снятие планов Новороссийской губернии (бывшей Новой Сербии) и Запорожья геодезистами летом 1764 г. определило северную границу владений ВЗН почти на 50 км ниже «линии Д. де Боскета» 1745 г. Пытаясь вернуть отнятые земли, запорожцы направили в Санкт-Петербург несколько депутатов. Тема фиксации войсковых границ стала главной в «Наказе» от ВЗН для Уложенной комиссии 1767 г. В целом вырисовывалась следующая картина: не давая четких оснований для разрешения пограничных конфликтов в пользу запорожцев, правительство поддерживало усиление военной, крестьянской и иностранной колонизации на южных рубежах империи.

Недовольное внутренним устройством Запорожья, российское правительство пыталось привести его в соответствие с уже существующими «образцами» казачьего устройства. Так, в течение 1740–1750-х гг. Правительствующий Сенат несколько раз рассматривал проекты реорганизации ВЗН по примеру Войска Донского [Андриевский, с. 455–456, 462–463]. Первым по времени создания в ряду таких проектов стало представление в Сенат от киевского генерал-губернатора М. И. Леонтьева (1740). Он посчитал первоочередной мерой ограничение количества казаков, имевших право выбирать кошевого атамана. Сенат отклонил предложение, опасаясь недовольства со стороны запорожцев. В 1750 г. Леонтьев подал другой вариант реформирования устройства Запорожья. Он считал целесообразным назначать всю старшину пожизненно, ограничить доступ в ряды казачества и приставить правительственного наблюдателя за действиями запорожской старшины. Показательным явился тот факт, что в данном случае интересы российской гражданской и военной администрации на Украине совпадали со стремлениями запорожской старшины – бывшего кошевого атамана Я. Малого, войскового писаря П. Чернявского и др. Последний предоставил на рассмотрение генерал-губернатора «Всепонижайшее доношение» из восьми пунктов, в которых не только перечислял «безобразия» со стороны основной массы запорожцев, но и давал практические рекомендации, как избежать их в дальнейшем [Андриевский, с. 182–186]. Указом от 19 июля 1753 г. Сенат запретил выборы в ВЗН, и власть общевойсковой Рады была ограничена. Тем не менее, нормы данного указа продолжали нарушаться казаками [Голобуцкий, с. 382–384]. В течение 1750–1760-х гг. ситуация вокруг не санкционированного правительством ежегодно-

го переизбрания высшей старшины так обострилась, что Екатерина II грамотой от 19 апреля 1764 г. окончательно запретила переизбирать кошевого, писаря и судью без согласования с гетманом К. Г. Разумовским и без высочайшей конфирмации [Эварницкий, 1888, с. 199–201].

Мероприятия, предпринятые российским правительством в отношении ВЗН, призванные сделать его поддающимся администрированию, почти в то же время были апробированы на Яицком казачьем войске. Главной задачей российские чиновники считали прекращение практики общевойсковых кругов (советов). Запрет их проведения в 1763 г. хотя и упорядочил выборы войсковых атаманов, позволив правительству назначать свои кандидатуры, привел к узурпации власти в войске старшинским «олигархатом», расколу его на противоборствующие части. Попытку вернуть выборность войскового атамана Яицкое войско осуществило весной 1763 г., возмущенное назначением нового наказного атамана из числа старшин Оренбургского казачьего войска [РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2. Л. 2].

Раскол Яицкого войска, наступивший в результате ограничения казачьего народовластия, осознавался самими казаками. Приведем выдержку из челобитной войскового атамана М. Бородина оренбургскому губернатору И. Рейнсдорфу:

...Войско яицкое лет от десяти и более до самого нынешнего времени разделялось на две части, ис которых одна называема была старшинскою, и болше малое, нежели видное в себе количество людей составляла, а другая войсковою, которая наиболее потом так называлася, что не толко служащие, но отставные и самые малолетние все почти до нее принадлежали, и сколко первая, то есть малая часть войска нашего часть, старалась всегда оставаться при своей должности, то наипаче другая от нее отщетевалася... [Там же. Л. 44].

Правительство пошло на уступку – «для той предвидимой при выборе их волном, яко от разделенного на две партии, несмысленного народа шатости, чтоб не зделалось каких предрезостей и междоусобия» – и разрешило яицким казакам представить на рассмотрение Военной коллегии трех возможных кандидатов на должность атамана [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 814. Л. 1 об., 2]. Именно такую модель войскового управления правительство планировало реализовать в отношении ВЗН. Отмечая возможность применения компаративного подхода к заявленной теме, отметим, что в середине – второй половине XVIII в. правительство проводило по отношению к разным казачьим войскам типологически схожую политику: оно ограничивало самостоятельность войсковых структур, сферу традиционного войскового права. При этом ВЗН обладало не только большей степенью конфликтности по отношению к имперским властям, но и большими ресурсами для сохранения своего status quo. Вот почему, а также в связи с особым территориальным положением ВЗН (на границе

с Османской империей) вопрос о его судьбе приобрел в сравнении с дальнейшей судьбой Терского или Донского казачьих войск более радикальное звучание.

Отметим, что наряду с «умеренными» проектами реформирования Запорожья российских чиновников, имелись и радикальные. Среди дел личного кабинета Екатерины II сохранились документы, авторами которых были генералы П. А. Румянцев и К. фон Штоффельн. Они датированы концом февраля – мартом 1765 г. Это совпало во времени с фактическим (формально – с конца 1764 г.) вступлением в управление Украиной президента 2-й Малороссийской коллегии генерал-аншефа П. А. Румянцева (1764–1781). Последовательный проводник унификаторской политики, Румянцев был убежден в нецелесообразности существования сечевой общины [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–6, 7–8, 126]². Он предлагал срочно арестовать всех членов запорожской депутации, которые в то время находились в столице, и немедленно занять территорию Запорожья [Там же. Д. 78. Л. 3–3 об., 4].

Командующий поселенными войсками (ландмилицией) Украинской линии генерал-майор К. фон Штоффельн представил 19 марта 1765 г. на рассмотрение императрицы так называемое «Примечание о запорожцах». Предполагалось арестовать в апреле 1765 г. членов запорожской депутации во время их возвращения из столицы домой, ввести на территорию Запорожья российские войска и приступить к реорганизации устройства Вольностей. Земли ВЗН должны были быть превращены в Днепровскую губернию³, состоявшую из двух провинций – Никитинской и Кодацкой. Бывшие запорожцы должны были укомплектовать два одноименных казачьих полка. Казачий образ жизни запорожского населения уподоблялся военной службе донского казачества. К. фон Штоффельн показывал, что Запорожская Сечь как политическая организация далека от системы Российской империи и не желает принимать ее установления – «все в противность нам учинили, и так кошевыми самовластно переменяетесь, якобы вы вовсе нам неподвластны». Проект, предложенный К. фон Штоффельном, отличался большей основательностью и детальностью по сравнению с предложениями Румянцева [Там же. Л. 5–5 об., 6, 11, 16].

Хотя потенциальная возможность ликвидации ВЗН существовала весной 1765 г., она не была реализована. Несмотря на то, что российское правительство отказалось тогда от радикальных шагов по отношению к ВЗН, на разных уровнях имперской власти осуществлялся сбор материалов о социальном устройстве Запорожья, его экономической и военной мощи, которые в любой момент могли быть исполь-

² В донесении Екатерине II от 10 марта 1765 г. П. А. Румянцев предлагал: «И нужно их, всемогущественная государыня, обратить в иное устройство, и сей случай при взятых ВИБ мерах не утратить» [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 6].

³ К. фон Штоффельн предлагал территорию Запорожья преобразовать в Днепровскую губернию [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 78. Л. 17 об.].

зованы в деле поглощения казачьей автономии. В 1768 г. произошло событие, вызвавшее очередное неудовольствие властей. Оно случилось на российско-польско-османском пограничье, при впадении р. Синюхи в Южный Буг, где на российской территории находилась слобода Орел, на польской – Балта, а на османской – Голтва. В июне того же года в польскую Балту въехал отряд запорожцев от М. Железняка «для истребления жидов». В результате была сожжена и разграблена не только польская, но и османская часть города [АВПРИ. Ф. 79. Оп. 9/6. Д. 932. Л. 20–20 об.]. Этот конфликт, спровоцированный гайдамацкой ватагой запорожцев, имел резонанс – он послужил формальным поводом для начала очередной русско-турецкой войны. Недаром после ликвидации ВЗН в 1775 г. российское правительство специально сообщило Османской Порте о той строгой каре, которой подверглась Сечь как виновник минувшей войны [АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1775–1780 гг. Д. 614. Л. 12].

20 декабря 1768 г. Екатерина II подписала указ Малороссийской коллегии, согласно которому все казачьи войска, находившиеся в ее ведомстве (речь шла о ВЗН – других подобных войск не было), должны были руководствоваться и судиться в гражданской части согласно «малороссийских прав и статутам», а во всех делах, подлежащих воинской части, подчиняться «Военному уставу» и «Военному артикулу». Предполагалось скорейшее распространение текстов этих документов среди запорожского казачества и внедрение их в действие уже с 1769 г. [РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76. Л. 126–126 об.]. В условиях, когда над ВЗН висела угроза ликвидации, часть старшины предпочла не ждать трагической развязки, а сделать шаги к нормализации отношений. В марте 1774 г. депутаты от ВЗН А. Головатый, С. Белый и Л. Мошенский предложили правительству проект реформирования ВЗН. Он был представлен на рассмотрение Г. А. Потемкину: предлагалось удалить на разных основаниях из войска «неблагонадежный» элемент и ввести устройство по примеру Войска Донского. Также планировалось составить очередной реестр войска, который был бы «окончательным» и не предполагал бы вступления в казачество представителей других слоев. Легитимный путь пополнения казачьих войск, по мнению российских властей, мог быть только один – «срослых казачьих детей мужеска пола определять в казачью службу» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 468. Л. 388]. Еще более сложной была ситуация с посполитыми⁴, ставшая одним из камней преткновения между запорожским кошем и правительством. Первые целенаправленные попытки увеличения числа собственных подданных за счет переманивания податных категорий населения империи ВЗН предприняло в середине 1750-х гг. Эти действия натолкнулись на строгий запрет правительства императрицы Елизаветы Петровны, за-

⁴ Посполитые – крестьянское население, проживающее на землях Запорожья и находящееся в коллективном подданстве ВЗН.

декларированный в приказе Правительствующего Сената ВЗН от 5 августа 1756 г. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1579. Л. 792]. Несмотря на это, практика «незаконного» увеличения посполитых ВЗН были продолжена и позже. Особенно масштабной она стала с начала 1770-х гг. при кошевом атамане ВЗН П. И. Калнышевском. При нем кош временно прекратил сгонять «пришельцев», не желавших признавать свою подчиненность ВЗН, с недавно обжитых земель, как это случалось раньше [ЦДІАУК. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 143. Арк. 3–4]. Не довольствуясь ожиданием новых переселенцев, запорожская верхушка предлагала жителям хуторов «новороссийских» офицеров переход оттуда в слободы на землях ВЗН. Не будет преувеличением сказать, что «новая политика» коша вызвала значительные изменения мобильности свободного податного и зависимого от помещиков населения, причем эти процессы охватили территорию не только Новороссийской, но и Слободско-Украинской губернии [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 95. Ч. 3. Л. 242].

Среди перебежчиков в Запорожье в начале 1770-х гг. преобладали посполитые и казаки ВЗН, которые в начале очередной русско-турецкой войны перешли с территории Вольностей на более безопасные территории Новороссийской губернии. Второе место среди них занимали бывшие казаки Новослободского полка, недовольные обращением их в пикинеры в 1764 г. Наконец, много было выходцев из Польской Украины, сбежавших из магнатских имений, которые некоторое время прожили «на слободах» у офицеров Новороссийской губернии и для которых перспектива дальнейшего закрепощения являлась реальной [Там же. Ч. 1. Л. 19–23 об.]. Поскольку эти самовольные переселенцы были включены «в оклад» или числились на службе в поселенных полках, их переход, в том числе с семьями, вызвал противодействие со стороны местной администрации и военного командования [Там же. Ч. 3. Л. 127–128 об.]. По состоянию на начало 1775 г. общее количество военнотружущих, «фамилиатов» и «заступающих» гусарских и пикинерных поселенных полков, а также помещичьих подданных, переманенных или силой переведенных запорожцами на территорию Вольностей, достигло 2 881 душ м. п. в Елизаветградской и 2 493 душ м. п. в Екатерининской провинциях Новороссийской губернии [Там же. Ч. 2. Л. 35–35 об.].

Вопрос о ликвидации Сечи или, как минимум, об аресте ее верхушки в очередной раз встал на повестке дня в мае 1774 г., когда на нескольких заседаниях члены Государственного Совета выразили необходимость «предпринять решительное по этому поводу действо». Екатерина II отказалась тогда это сделать, отмечая верную службу войска в минувшую войну с Османской империей [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 188–188 об., 190–190 об.]. Итоговое решение казачье-го вопроса оставалось за ней⁵, поскольку императрица постоянно

⁵ О некоторых аспектах такого влияния см.: [Лазарев, 2017, с. 70–85].

совершенствовала свой личный административный опыт и, определяя судьбы целых имперских территорий, полагалась не только на амбиции своих талантливых сподвижников. В дальнейшем на протяжении года на заседаниях Государственного Совета по «запорожскому вопросу» планы ликвидации или реформирования Запорожья не обсуждались, несмотря на многочисленные жалобы от командования Новороссийской, Слободско-Украинской губерний и Войска Донского на запорожцев (конфликты с крепостями Днепровской укрепленной линии (лето 1770–1773 гг.); с донцами за земли по р. Кальмиус и за прилегающие косы на Азовском море в 1771–1774 гг.; с военными поселенцами Изюмской провинции за земли по р. Орель и Самара и Елисаветградской провинции за земли вдоль р. Самоткань и Домоткань в 1769–1774 гг.) [Там же. Л. 199, 203 об., 265, 269]. Ситуация в корне изменилась с началом 1775 г., когда последовало реформирование системы управления казачьими войсками: 14 января Г. А. Потемкин подал на рассмотрение императрицы доклад с изложением своего видения реформы Войска Донского, которая должна была стать образцом для преобразований в других казачьих войсках. Предлагалось усовершенствовать методы контроля над деятельностью канцелярии и атамана. Гражданское правление на Дону должно было быть раз и навсегда отделено от военного и согласовано с губернским устройством на территории Российской империи. Доклад был утвержден Екатериной II и в течение следующих двух месяцев реализован на практике [ПСЗРИ, т. 20, № 14251].

Логичным стало бы проведение аналогичного реформирования ВЗН, однако в апреле 1775 г. из Киева было получено очередное донесение П. А. Румянцева. Речь шла о намерениях П. И. Калнышевского перейти со всем войском в османское подданство. Отметим, что в данном случае имел место навет – предпосылок для заговора не было: старшина во главе с П. И. Калнышевским была щедро награждена за заслуги в войне, кош все еще надеялся на разрешение земельных споров. Невзирая на несуразность обвинения, на заседании Государственного Совета 27 апреля 1775 г. вопрос был поставлен жестко: пригласить кошевого атамана прибыть в столицу, однако он физически не успел бы приехать в Санкт-Петербург. Несмотря на это, на очередном заседании данного совещательного органа при императрице 7 мая 1775 г. было решено занять территорию Запорожья, арестовать сечевую верхушку и упразднить ВЗН [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 290]. Г. А. Потемкин отмечал, что действия в отношении ВЗН будет удобнее осуществить силами десяти полков регулярной армии с приданием им в помощь определенного количества иррегулярных команд.

Кроме П. А. Румянцева (как инициатора), авторами плана ликвидации Запорожской Сечи можно считать канцлера Российской империи Н. И. Панина и Г. А. Потемкина. Об этом убедительно

свидетельствуют их подписи на протоколе рокового для Запорожья заседания Совета при высочайшем дворе. Показательным является то, что план не был утвержден императрицей. Кредит доверия к вышеуказанным лицам был настолько высок, что именно на их усмотрение было отдано решение такого вопроса [РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 294 об.]. При подготовке «Манифеста» 1775 г. о ликвидации Сечи [ПСЗРИ, т. 20, № 14354] были использованы аргументы Г. Ф. Миллера о «неудобствах» казаков (см.: [Грибовский, 2015, с. 311–337]), хотя нет смысла напрямую связывать его интеллектуальные построения с указанным процессом, и некоторые наработки историка по запорожскому вопросу не устроили имперские власти.

5 июня 1775 г. запорожцы были приведены к присяге на верность императрице Екатерине II. Подобное наблюдалось и в других населенных пунктах Запорожья. В целом окончательное поглощение Запорожских Вольностей империей произошло без применения вооруженной силы. Однако *ликвидация Запорожской Сечи*, как принято именовать это событие в историографии, не может рассматриваться как разовая военная операция по занятию войсками казачьего центра 5 июня 1775 г. Она растянулась на несколько месяцев и состояла из комплекса мероприятий, направленных на унификацию устройства Запорожья в соответствии с общеимперскими нормами. В течение первых недель после оккупации Вольностей внимание генерала-поручика П. А. Текели (Текелли) оказалось сосредоточено на решении судьбы арестованных – кошевого атамана П. И. Калнышевского, войскового писаря И. Глобы и войскового судьи П. Головатого, которые были отконвоированы в Москву. По состоянию на конец июня было завершено описание основной части их имущества, которое вскоре поступило в казенный фонд Новороссийской губернии [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 59]. Туда же были переданы общевойсковые средства в сумме до 150 тыс. руб., клейноды, огнестрельное оружие (изъятие которого у бывших запорожцев носило тотальный характер), сечевой архив. После длительного следствия верхушка казачьей старшины была отправлена в пожизненную ссылку в разные монастыри – Соловецкий, Тобольский, Туруханский [Грибовский, Мильчев, Синяк, с. 322, 331, 337–338].

Значительное внимание уделялось проблемам реформирования административно-территориального устройства бывших Запорожских Вольностей. Обращают на себя внимание планомерность и системность предпринятых действий [Бойко А., с. 59]. Так, П. А. Текели и его подчиненные составили проект распределения Запорожья между Новороссийской и Азовской губерниями, который был воплощен в жизнь во второй половине 1775 г. Бывшие войсковые паланки с этого времени превращаются в соответствующие уезды [РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 101–101 об., 102]. К концу лета 1775 г. с целью облегчения сбора налогов была завершена перепись населения во

всех запорожских зимовниках и слободах [Там же. Л. 167]. Немало усилий приложила местная администрация для изменения соотношения женатых и холостых мужчин среди бывших запорожцев. Это понятно, поскольку наиболее лояльной группой запорожского казачества правительству представлялись женатые запорожцы – так называемые «гнездюки». Подобные соображения мало расходились с действительностью – показателен фрагмент аттестата, выданного в июне 1775 г. П. А. Текели старшине П. Рябому:

...Как оной Рябой по тем одобрениям, так особо имея фамилию в местечке Самаре и считаясь уже в тамошнем обществе почтеннейшим старшиной над всеми женившимися фамилиатными запорожцами, заслуживает особого пред ними уважения, для того и дал ему Рябому открытой лист... [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 6. Л. 148].

Казаки всячески поощрялись к обзаведению семьями, получая материальную помощь в размере 3–5 руб. на развитие хозяйства. Командиры уездов (бывших паланок) из числа российских офицеров ежемесячно рапортовали азовскому и новороссийскому губернаторам о количестве бывших запорожцев, вступивших в брак. Сводные ведомости отправлялись Г. А. Потемкину, державшему процесс под личным контролем [Там же. Л. 184]. Эти мероприятия российского правительства, которое в правление Екатерины II возвело идеи популяционизма и физиократии в ранг государственной доктрины, коренным образом повлияли на традиции «целибата», распространенного ранее на Сечи, и достаточно быстро дали государству необходимый эффект.

Рубеж 1775–1776 гг. стал временем, после которого можно вести речь о ликвидации (в общих чертах) прежнего традиционного устройства Запорожских Вольностей российскими чиновниками. Грубое административное вмешательство со стороны российского правительства в традиционный уклад жизни запорожцев привело к выселению части казаков за пределы Российской империи. Жизнедеятельность нескольких тысяч запорожцев, укрывшихся в Очаковской степи (по разным данным – от 2 до 8 тыс. чел.), стала с этого времени серьезной проблемой в отношениях между Российской и Османской империями. «Турецкие запорожцы», массово поселенные турками-османами за Дунаем, сумели воссоздать войсковую организацию⁶ [АВПРИ. Ф. 90. Оп. 90/1. 1781–1783 гг. Д. 882. Л. 14, 26–27 об.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Там же. Д. 28/29. Л. 1; РГАДА.

⁶ В первые 5–10 лет пребывания запорожцев в турецком подданстве существовало несколько «протовойсковых» группировок, частично или полностью контролировавшихся местными властями Османской империи. В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из них было создано единое Буткальское казачье войско (*от тур. Р(В)ut-kale* – «Идольская (Неверная, Поганая) Крепость», то есть Сечь), которое просуществовало до мая 1828 г., когда большая часть задунайских запорожцев во главе с кошевым О. М. Гладким вернулась в российское подданство.

Ф. 15. Оп. 1. Д. 185. Л. 43 об.; Там же. Ф.16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 8. Л. 121–121 об.; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 304. Ч. 1. Л. 1, 10–11; БОА. С.-МЛ. Dosya 619. Gömlek 25506].

* * *

Исследование показало, что поглощение Российской империей Вольностей ВЗН, которое произошло в середине – второй половине 1775 г., стало результатом продуманной и подготовленной акции, имеющей свою предысторию. Планы реформирования ВЗН появлялись в кругах высшего российского чиновничества еще в конце 1740-х гг., но, очевидно, не были реализованы правительством Елизаветы Петровны ввиду исключительно крепкой позиции «украинской» партии (А. Г. и К. Г. Разумовских) при дворе. В последнее десятилетие существования Запорожской Сечи представителями высшего российского генералитета были представлены правительству императрицы Екатерины II разные проекты ликвидации ВЗН. Определенная неустойчивость положения императрицы на троне в первые годы ее правления, а также напряженность в отношениях с Османской империей и Речью Посполитой определили тот факт, что они не были реализованы в конце 1760-х – начале 1770-х гг. Однако именно они легли в основу действий против Запорожья в июне 1775 г. и их идеологического обоснования в тексте «Манифеста» от 3 августа 1775 г. К обострению конфликта в середине 1770-х гг. оказалось причастно не только ВЗН, но и военные поселенцы Новороссийской губернии, а также высшая администрация империи, которая не смогла найти путей его разрешения.

Борьба запорожцев за свои права и земли определялась не столько их «буйством» и социальной архаикой, сколько тем фактом, что именно в последние 20–25 лет своего исторического существования войском был взят твердый курс на заселение собственных территорий, увеличение количества их населения за счет женатых казаков и крестьян-подданных. Все это ожидаемо вошло в противоречие с интересами правительства, у которого было собственное видение колонизации региона и его роли в решении ряда важнейших для Российской империи внутри- и внешнеполитических задач. Военная операция на землях Запорожских Вольностей, начавшаяся в июне 1775 г., не свелась к захвату только казачьей столицы – Сечи, а преследовала более масштабную цель – окончательную инкорпорацию территории ВЗН, заключение его населения под имперский политический, военный и фискальный контроль.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 79. Оп. 79/6. Д. 932; Ф. 90. Оп. 90/1. 1775–1780 гг. Д. 614 (1781–1783 гг.). Д. 882.

Александров П. Г. До питання про хід військової операції по ліквідації Запорізької Січі // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Дніпропетровськ : Промінь, 1997а. Вип. 2. С. 45–49.

Александров П. Ліквідація Запорозької Січі // Пам'ять століть. 1997б. № 1. С. 115–121.

[*Андреевский А. А.*]. Дела, касающиеся запорожцев, с 1715 по 1774 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 14. Одесса : Тип. А. Шульце, 1886. С. 283–718.

Бойко А. Південна Україна останньої чверті XVIII століття: аналіз джерел. Київ : ИУАД, 2000. 308 с.

Бойко П. «Именные списки старшины и казаков бывшего войска Запорожского... 1776 года» як джерело з історичної демографії Степової України // Запорізька Січ і українське козацтво : матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Київ : Інститут історії НАН України, 2013. С. 74–79.

Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М. : РАГС, 2010. 140 с.

Высочайше утвержденный доклад Военной коллегии Вице-Президента Потемкина // ПСЗРИ. Т. 20. 1775–1780. № 14251. С. 53–55.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 3, 28/29.

Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Київ : Гос. изд-во полит. лит. УССР, 1957. 464 с.

Грибовський В. В. Г.-Ф. Міллер і ліквідація Запорозької Січі, або до питання про роль особистості історика в історії // Січеславський альманах : збірник наукових праць з історії українського козацтва. Дніпропетровськ : НГУ, 2011. Вип. 6. С. 39–65. ДАДО. Ф. Р-1684. Оп. 2. Спр. 122.

Дружинина Е. И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. : Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

Елисеева О. И. Потемкин. М. : Молодая гвардия, 2005. 665 + [7] с.

ІР НБУ. Ф. Х. Спр. 18258.

Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2015. 23 с.

Лазарев Я. А. Место украинской казачьей элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. // Вопр. истории. 2017. № 3. С. 70–85.

Мильчев В. І. Петро Текелія: ескіз портрету «злого генія» Запорозької Січі // Наукові записки : збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 11. Київ : ИУАД, 2005. С. 80–96.

Мильчев В. І., Князьков Ю. П. Проект реформування устрою Запорозжя генерал-майора Карла Штофельна (1765 р.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ : Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя : ТанDEM-У, 2003. Вип. 7. С. 35–55.

Мірущенко О. Вплив геополітичного становища Нової Січі на економічний розвиток Запорозьких Вольностей // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя : ЗДУ, 2005. Вип. 19. С. 44–55.

Мірущенко О. Земельне питання в економічному розвитку Запорозьких Вольностей // Збірник праць молодих вчених та аспірантів Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ : ИУАД, 2001. Т. 6. С. 180–189.

Об уничтожении Запорожской сечи, и о причислении оной к Новороссийской губернии // ПСЗРИ. Т. 20. 1775–1780. № 14354. С. 190–193.

Петро Калнишевський та його доба : Документи та матеріали / Упорядники В. Грибовський, В. Мільчев, І. Синяк. Київ : [Б. и.], 2008. 432 с.

Полонська-Василенко Н. Д. Манифест 3 серпня року 1775 в світлі тогочасних ідей // Зап. Історико-Філологічного відділу ВУАН. Київ : [Б. и.], 1927. Вип. 12. С. 166–203.

Посунько О. М. Історія Нової Сербії та Слов'яносербії. Запоріжжя : Тандем-У, 1998. 80 с.

РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 76, 78; Ф. 15. Оп. 1. Д. 185; Ф. 16. Оп. 1. Д. 797. Ч. 6, 8; Д. 814; Ф. 248. Оп. 113. Д. 1574, 1579; Оп. 126. Д. 468.

РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 141. Ч. 2; Ф. 52. Оп. 1. Д. 79; Д. 95. Ч. 1–3; Д. 304. Ч. 1.

РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3.

Рябінін-Скляревський О. О. Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII ст. / Малинова Г. Л., Сапожников І. В. А. А. Рябинин-Скляревский : Матеріали к биографии. Одесса ; Київ : Елтон-2 ; Гратек, 2000. С. 83–190.

Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского / извлечена из собственного запорожского архива А. Скальковским. Одесса : Гор. тип., 1841. 437 с.

ЦДАВОУ. Ф. 3806. Оп. 1. Спр. 3.

ЦДІАУК. Ф. 229. Оп. 1. Спр. 143.

Шиян Р. Діяльність земських комісарів на території колишніх Запорозьких Вольностей у перші роки після ліквідації Запорозького устрою // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя : ЗІОІ, 1999. Вип. 6. С. 3–5.

Шиян Р. Козацтво Південної України в останній чверті XVIII століття. Запоріжжя : Тандем-У, 1998а. 98 с.

Шиян Р. Ще раз про ситуацію на території колишніх Вольностей після ліквідації Запорозької Січі: чутки як історичне джерело // Наукові доповіді студентів та аспірантів кафедри історії України ЗДУ. Запоріжжя : Тандем-У, 1998б. Вип. 4. С. 39–44.

Эварницкий Д. И. Очерки по истории запорожских казаков и Новороссийского края. СПб. : Изд-во Пантелеева, 1889. 195 с.

Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1888. 248 + XX с.

BOA. C.-ML. Dosya 619. Gömlek 25506.

References

Aleksandrov, P. (1997b). Likvidatsiya Zaporoz'koï Sichi [The Abolition of the Zaporozhian Sich]. In *Pam'yat' stolit'*. No. 1, pp. 115–121.

Aleksandrov, P. G. (1997a). Do pitannya pro hid viis'kovoï operatsii po likvidatsii Zaporiz'koï Sichi [On the Issue of the Course of the Military Operation to Abolish the Zaporozhian Sich]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Dnipropetrovs'k, Promin'. Iss. 2, pp. 45–49.

Andrievskii, A. A. (1886). Dela, kasayushchiesya zaporozhtsev, s 1715 po 1774 gg. [Cases Relating to Zaporozhian Cossacks from 1715 to 1774]. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*. Odessa, Tipografiya A. Shul'tse. Vol. 14, pp. 283–718.

AVPRI [The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock. 79. List 79/6. Dos. 932; Stock. 90. List 90/1. 1775–1780. Dos. 614; 1781–1783. Dos. 882.

BOA. C.-ML. Dosya 619. Gömlek 25506.

Boiko, A. (2000). *Pivdenna Ukraïna ostann'oi chverti XVIII stolittya: analiz dzhерel* [Southern Ukraine of the Last Quarter of the 18th Century: Analysis of Sources]. Kiev, Institut ukraïns'koï arkheografii ta dzhereloznavstva. 308 p.

Boiko, P. (2013). "Imennye spiski starshiny i kazakov byvshego voiska Zaporozhskogo... 1776 goda" yak dzhерelo z istorichnoi demografii Stepovoï Ukraïni ["Name Lists of Senior Officers and Cossacks of the Former Forces of Zaporozhye ... 1776" as a Source of Historical Demography of Steppe Ukraine]. In *Materiali Vseukraïns'koï naukovoï konferentsii "Zaporiz'ka Sich i ukraïns'ke kozatstvo"*. Kiev, Institut istorii NAN Ukraïni, pp. 74–79.

Bolotina, N. Yu. (2010). *Deyatel'nost' G. A. Potemkina (1739–1791 gg.) v oblasti vnutrennei politiki Rossii* [The Activity of G. A. Potemkin (1739–1791) in the Domestic Policy of Russia]. Moscow, Izdatel'stvo RAGS. 140 p.

DADO [The State Archives of Dnipropetrovsk Region]. Stock R-1684. List 2. Dos. 122.

Druzhinina, E. I. (1955). *Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie)* [The Treaty of Küçük Kaynarca of 1774 (Its Preparation and Conclusion)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 384 p.

Eliseeva, O. I. (2005). *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Molodaya gvardiya. 665 + [7] p.

Evarnitskii, D. (1888). *Sbornik materialov dlya istorii zaporozhskikh kazakov* [Collection of Materials for the History of Zaporozhian Cossacks]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 248 + XX p.

Evarnitskii, D. I. (1889). *Ocherki po istorii zaporozhskikh kazakov i Novorossiiskogo kraia* [Essays on the History of Zaporozhian Cossacks and Novorossiya]. St Petersburg, Izdatel'stvo Panteleeva. 195 p.

GAKK [The State Archives of Krasnodar Region]. Stock 249. List 1. Dos. 3, 28/29.

Golobutskii, V. A. (1957). *Zaporozhskoe kazachestvo* [Zaporozhian Cossacks]. Kiev, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury USSR. 464 p.

Gribovs'kii, V. V. (2011). G.-F. Miller i likvidatsiya Zaporoz'koï Sichi, abo do pitannya pro rol' osobistosti istorika v istorii [G. F. Miller and the Abolition of the Zaporozhian Sich, or on the Role of a Historian's Personality in History]. In *Sicheslavs'kii al'manakh. Zbirnik naukovikh prats' z istorii ukrains'kogo kozatstva*, 6. Dnipropetrovsk, Natsional'nyi girmichii universitet, pp. 39–65.

Gribovs'kii, V., Mil'chev, V., Sinyak, I. (Eds.). (2008). *Petro Kalnishevs'kii ta iogo doba. Dokumenty ta materialy* [Peter Kalnyshevsky and His Time. Documents and Materials]. Kiev, S. n. 432 p.

Kondriko, A. V. (2015). *Sistema kazach'ego samoupravleniya v ramkakh rossiiskoi gosudarstvennosti na primere Zaporozhskoi Sechi v seredine XVII – kontse XVIII vv.* [The System of the Cossack Self-Government within the Framework of the Russian Statehood with Reference to the Zaporozhian Sich in the Mid-17th – Late 18th Century]. Avtoref. dis. ... kand. istoricheskikh nauk. Moscow, S. n. 23 p.

Lazarev, Ya. A. (2017). Mesto ukrainskoi kazatskoi elity v sostave rossiiskogo dvoryanstva v pervoi polovine 1760-kh gg. [The Place of the Ukrainian Cossack Elite in the Russian Nobility in the First Half of the 1760s]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 70–85.

Mil'chev, V. I. (2005). Petro Tekeliya: eskiz portretu “zlogo geniia” Zaporoz'koï Sichi [Peter Tekeli: A Sketch of the “Evil Genius” of the Zaporozhian Sich]. In *Naukovi zapiski. Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv Institutu ukrains'koï arkhheografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraini*. Kiev, Institut ukrains'koï arkhheografii ta dzhereloznavstva. Vol. 11, pp. 80–96.

Mil'chev, V. I., Knyaz'kov, Yu. P. (2003). Proekt reformuvannya ustroiu Zaporozhzhya general-maiora Karla Shtofel'na (1765 r.) [Major-General Karl Stoffeln's Reform Project in Zaporizhzhya (1765)]. In *Zapiski naukovo-doslidnoi laboratorii istorii Pivdennoi Ukraini ZDU. Pivdenna Ukraina XVIII–XIX stolittya*. Zaporizhzhya, Tandem-U. Iss. 7, pp. 35–55.

Mirushchenko, O. (2001). Zemel'ne pitannya v ekonomichnomu rozvitku Zaporoz'kikh Vol'nostei [The Land Issue in the Economic Development of Zaporizhzhya Liberty]. In *Zbirnik prats' molodikh vchenikh ta aspirantiv Institutu ukrains'koï arkhheografii ta dzhereloznavstva imeni M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraini*. Kiev, Institut ukrains'koï arkhheografii ta dzhereloznavstva. Vol. 6, pp. 180–189.

Mirushchenko, O. (2005). Vpliv geopolitichnogo stanovishcha Novoï Sichi na ekonomichnii rozvitok Zaporoz'kikh Vol'nostei [Influence of the Geopolitical Position of the New Sich on the Economic Development of Zaporozhian Liberty]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Zaporizhzhya, Zaporiz'kii derzhavnyi universitet. Iss. 19, pp. 44–55.

Ob unichtozhenii Zaporozhskoi sechi, i o prichislenii onoi k Novorossiiskoi gubernii [On the Destruction of the Zaporozhian Sich, and on Its Incorporation in Novorossiysk Province]. (1830). In *PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie*. Vol. 20. 1775–1780. No. 14354, pp. 190–193.

Polons'ka-Vasylenko, N. D. (1927). Manifest 3 serpnia roku 1775 v svitli togo-chasnykh idei [Manifesto of 3 August 1775 in Light of the Ideas of the Time]. In *Zapiski Istoriko-Filologichnogo viddilu VUAN*. Kiev, S. n. Iss. 12, pp. 166–203.

Posun'ko, O. M. (1998). *Istoriya Novoï Serbiï ta Slov'yanoserbiï* [The History of New Serbia and Slavo-Serbia]. Zaporizhzhya, Tandem-U. 80 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 13. List 1. Dos. 76, 78; Stock 15. List 1. Dos. 185; Stock 16. List 1. Dos. 797. Part 6, 8; Dos. 814; Stock 248. List 113. Dos. 1574, 1579; List 126. Dos. 468.

RGIA [The Russian State Historical Archive]. Stock 1146. List 1. Dos. 3.

RGVIA [The Russian State Military History Archive]. Stock 13. List 1. Dos. 141. Part 2; Stock 52. List 1. Dos. 79; Dos. 95. Part 1–3; Dos. 304. Part 1.

Ryabinin-Sklyarevs'kii, O. O. (2000). Zaporoz'ki zakoloty ta keruyucha verstva Kosha XVIII st. [Zaporozhian Revolts and the Ruling Stratum of Kosh in the 18th Century]. In Malinova, G. L., Sapozhnikov, I. V. A. A. *Ryabinin-Sklyarevskii. Materialy k biografii*. Odessa, Kiev, Elton-2, Gratek, pp. 83–190.

Shiyan, R. (1998a). *Kozatsstvo Pivdennoi Ukraïni v ostannii chverti XVIII stolittya* [Cossacks of Southern Ukraine in the Last Quarter of the 18th Century]. Zaporizhzhya, Tandem-U. 98 p.

Shiyan, R. (1998b). Shhe raz pro situatsiyu na teritorii kolishnykh Vol'nostei pisly likvidatsii Zaporoz'koi Sich: chutki yak istorichne dzherelo [Once again about the Situation in the Territory of the Former Volnets after the Abolition of the Zaporozhian Sich: Rumors as a Historical Source]. In *Naukovi dopovidi studentiv ta aspirantiv kafedri istorii Ukraïni ZDU*. Zaporizhzhya, Tandem-U. Iss. 4, pp. 39–44.

Shiyan, R. (1999). Diyal'nist' zems'kikh komisariv na teritorii kolishnykh Zaporoz'kikh Vol'nostei u pershi roki pisly likvidatsii Zaporoz'kogo ustroyu [Activities of Zemstvo Commissars in the Territory of the Former Zaporozhian Liberties in the First Years after the Abolition of the Zaporizhzhya Order]. In *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. Zaporizhzhya, Zaporiz'kii yuridichnyi institut. Iss. 6, pp. 3–5.

Skal'kovskii, A. A. (1841). *Istoriya Novoi Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo* [The History of the New Sich or the Last Zaporozhian Kosh]. Odessa, Gorodskaya tipografiya. 437 p.

TsDAVOU [The Central State Archive of Higher Authorities and Administration]. Stock 3806. List 1. Dos. 3.

TsDIAUK [The Central State Historical Archive of Ukraine]. Stock 229. List 1. Dos. 143.

Vysochaishe utverzhdenyi doklad Voennoi kollegii Vitse-Prezidenta Potemkina [His Majesty's Authorised Report of the Military Collegium of Vice-President Potyomkin]. (1830). In *PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Pervoe sobranie*. St Petersburg, Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, Vol. 20. (1775–1780). No. 14251, pp. 53–55.

IR NBU [Institute of Manuscripts of V. I. Vernadsky National Library of Ukraine]. Stock X. Dos. 18258.

The article was submitted on 04.02.2018